

УДК 316.62:343.915

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-291-306

ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: РАЗВИТИЕ И КРИЗИС (ЗАПАДНОЙ) КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Кузнецов Александр Евгеньевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Основное направление развития социологической криминологии несовершеннолетних состоит в последовательном достижении ею отрицательных результатов. Класс, раса, гендер, банда, культура, неэффективный социальный контроль, низкий самоконтроль и «социально дезорганизованное соседство» выдвигались и отбрасывались в качестве факторов криминализации и виктимизации лиц, не достигших 18 лет. Предлагается краткий обзор истории социологического исследования преступности несовершеннолетних с целью определения тенденций развития криминологии. Утверждается, что кризис науки преступности несовершеннолетних свидетельствует о кризисе криминологии в целом, выражающемся в выхолащивании социологизма и в тривиализации. Неспособность криминологии объяснить пик криминализации между 15 и 25 годами связывается с предположением об асимметричной каузации: причины криминализации подростков отличны от причин прекращения криминальной активности. Это предположение несовместимо с убежденностью криминологов в существовании универсальных причин (факторов) криминализации. Предполагается, что основная причина кризиса дисциплины состоит в отождествлении причин криминализации с признаками криминализованных групп и что та же ошибка повторяется в биокриминологии наряду с редукцией социальной организации к эффектам биологических факторов. В результате криминология и биокриминология отвечают на вопрос «кто совершает преступления?» вместо вопроса «почему совершаются преступления?». Успешный ответ на вопрос о причинах нарушения социального порядка зависит от решения проблемы природы социального порядка, дискуссионной для социологии в целом. Криминология игнорирует вопрос о роли агентов социального контроля (в первую очередь государства) в криминализации поведения и подростков как средства поддержания социального порядка.

Ключевые слова: криминология, делинквентность, преступность, девиация.

JUVENILE CRIME: THE RISE AND CRISIS OF CRIMINOLOGICAL THEORY

Alexander E. Kuznetsov

Perm State University

The mainline in the development of sociological juvenile criminology is that of successive achievement of negative results. Social class, race, gender, gang-membership, culture, failed social control, low self-control, and socially disorganized neighborhood — all have been advanced and rejected as factors of criminalization and victimization of adolescents. This paper attempts to provide a brief historical overview of sociological research on juvenile delinquency with the view to identify tendencies of the theoretical development in the field. I argue that the crisis of juvenile criminology is part of the general crisis in the field of criminological research, which manifests itself in dissolution and trivialization of the sociological explanation of crime. I expound the failure of criminology to explain the peak of criminal activity between the age of 15 and 25 by suggesting an asymmetrical causation hypothesis: the reasons for engaging in criminal activities are different from those for withdrawing from. I argue that criminology and biocriminology share the same error of taking sampling traits for causes — with the result that the question of «*Who commits crimes?*» is answered instead of «*Why do people commit crimes?*» As criminology faces the general problem of the nature of so-

cial order, biocriminology eschews it by reducing social organization to things biological. I suggest that as criminology fails to assess the role of agents of social and state control, it tends to see crime as breach of social order and fails to see crime as actually being a means to sustain it.

Keywords: criminology, delinquency, criminality, crime, deviation.

Введение

Выделение несовершеннолетних в качестве специального объекта внимания и воздействия правоохранительной системы в развитых странах происходит еще в викторианскую эпоху [Reckless W.C., Dinitz S., 1972, p. 27–31; Shore H., 2011]. Создание отдельных реформаториев (исправительных учреждений), судов и зон содержания несовершеннолетних преступников сигнализирует о серьезном отношении государства к рубежу достижения совершеннолетия. В этом возрасте в разных странах в разные периоды фиксировался пик преступных посягательств [Braithwaite J., 1989, p. 45–46; Goring C., 1913, p. 207; Hirschi T., Gottfredson M., 1983, p. 569]. В зависимости от категорий преступления вершина этого пика могла смещаться, но только в границах 15–25 лет [Sutherland E., 1947, p. 96; Rocque M. et al., 2016; Greenberg D., 1977, p. 190; Siegel L.J., 2011, p. 48], что подчеркивает универсальность отношения «возраст – преступление».

Поэтому подростковый пик преступности — главная проблема криминологии. Причины такого пика эта наука ищет в исследовании *подростков* — детей в возрасте от 12 до 17 лет.

Объяснение пика криминализации предполагает решение двух проблем: *различия* (в сходных социальных условиях одни подростки криминализуются, а другие — нет) и *сходства* (многие делинквенты *перестают* совершать преступления после достижения 25 лет *независимо от возраста совершения первого преступления и числа совершенных преступлений*). Полагаем, что классическая криминология не смогла объяснить пик криминализации по двум причинам.

Во-первых, само существование такого пика указывает на *асимметричность* причин криминализации: причины *начала* преступной деятельности отличаются от причин ее *прекращения*. Это предположение об асимметричной детерминации несовместимо с убеждением криминологов о существовании неких универсальных причин (факторов) криминализации. Человеческий

век, прекративший совершать преступления, не перестает быть выходцем из неблагополучной семьи, жителем дезорганизованного соседства, жертвой домашнего насилия и т.д. Если совершение преступлений объясняется воздействием социальных, генетических и психических патологий и деформаций, то необходимо признать, что влияние этих факторов прекращается либо не распространяется на людей, принявших решение *о завершении* преступной карьеры. Следовательно, факторы ни постоянны, ни универсальны.

Во-вторых, криминология исторически упускает из виду роль государства в (де)криминализации молодежи: «...научное исследование и размышление о девиации сосредоточены на людях, нарушающих правила, но не на тех, кто создает правила и принуждает к их исполнению» [Becker H.S., 1966, p. 163]. Осуждается ли преступление только как нарушение *запрета*? Или преступление есть также *нравственная* категория? Есть ли у людей внутренние моральные основания для конформизма, не зависящие от запретов? Это вопросы о природе выбора поведения и о природе преступления.

Никакой краткий обзор тенденций в развитии криминологической теории не может претендовать на точное или исчерпывающее описание частных теорий и концепций. Наша задача — определить современное состояние науки преступности несовершеннолетних как *кризис криминологической теории* и обозначить причины этого кризиса.

Этап I. Поиск причин преступности

С момента учреждения криминологии как *социологической дисциплины* ей было навязано убеждение в том, что преступность вызвана факторами, которые являются ее *причинами* и одновременно *объясняют*. Социолог определил ряд задач криминологии: это «корпус знаний о преступлении как социальном феномене», включающий: (а) социологию закона, (б) криминальную этиологию, (с) пенологию [Sutherland E., 1947, p. 1].

Социальная дезорганизация и преступность — главные темы американской социологии в начале XX в. Современная криминологическая теория развивается под влиянием американской социологии и криминологии (это влияние может быть объяснено даже не столько высоким уровнем преступности, качеством или масштабностью исследований, сколько стремительной экспансией высшего образования [см., напр.: Goldin C., Katz L.F., 1999, p. 40, 41; Snyder T.D., 1993, p. 65]). Американская (*социологическая*) криминология оказала определяющее влияние на развитие исследований преступности на Западе, начиная с университетской скамьи. «Все широко используемые сегодня учебники по криминологии написаны социологами», — пишет в 1951 г. криминолог Клайнрд и перечисляет дюжину авторов [Clinard M.B., 1951, p. 549]. Все эти авторы — американцы, включая эмигранта Х. фон Хентига, основателя виктимологии [Meier R.F., Miethe T.D., 1993, p. 461; Wolfgang M.E., Singer S.I., 1978; Petherick W., 2017]. Психолог-криминалист фон Хентиг не сомневается в *социологической* атрибуции дисциплины: «...социологи смотрят на социальные условия преступления, психиатры и криминальные антропологи — на его физические детерминанты» [Hentig H. von, 1948, p. 1]. Итак, начала криминологии первой половины XX в. лежат в американской социологии: «...криминология составляет обширную область внутри социологии» [Clinard M.B., 1951, p. 577].

Такая институциональная и культурная приуроченность не могла не обусловить *ограниченность* новой дисциплины. Американская социология вскоре начала обоснованную критику «биологической теории» (например, Ч. Ломброзо) [Bassiouni M.C., Sewell A.F., 1974], видевшей причины криминализации в генетической (расовой) предрасположенности. *Эмпирически* паттерны криминализации (например, членство в группе и передача опыта) нечувствительны к гендерным и расовым различиям: подростки разного пола и разных рас приобщаются к преступной деятельности примерно одинаково [Giordano P.C., 1978] или по-разному, но под влиянием внешних условий [см., напр.: Cressey P., 2008, p. 254]. Психологические объяснения криминальности оказались неинтересны ранней криминологии (находившейся под сильным влиянием чикагской школы, обличавшей

пороки общественного устройства и настроенной реформистски). В обиходе этого времени оппозиция криминальной психологии и криминологии иногда описывается формулой «Ненормальный индивид в нормальных условиях» (объект психологии) против «Нормального индивида в ненормальных условиях» (исходная посылка криминологов).

Этап II. Структурная теория

В ранних работах ученые упрощали связь распространения криминальной субкультуры с деятельностью банд подростков [Lerman P., 1967, p. 64]. Социологи — классики ювенальной криминологии — Ф. Трэшер, К. Шоу и Г. МакКей, А. Коэн, Р. Кловард и Л. Олин — посвятили специальные исследования именно шайкам [Thrasher F.M., 1927; Shaw C., McKay H., 1969 (1942); Cloward R.A., Ohlin L.E., 1960; Cohen A., 1955]. В бандах подростки научаются основам воровской морали и деятельности. Создание банд — характерная черта преступности подростков сегодня и во времена проведения классических исследований; это глобальная характеристика [Hagedorn J.M., 2005, p. 155–156]. Действительно, многие преступления совершались в составе банд, но вступление в нее нового участника не может быть совершенно случайным: оно предполагает знакомство с криминальными нормами, готовность принять уголовные ценности и повадки. Как и почему происходит их усвоение?

Теория социальной структуры (теории напряжения, социальной дифференциации, аномии, субкультур или культурной девиации, неравных возможностей) доминировала в 1950–1960-е гг. и черпала свое вдохновение в классических работах, посвященных бандам, и в раннем функционализме Мертона [Merton R.K., 1938]: социальная структура предлагает акторам неравные возможности (отсюда — «теория структуры» и «возможностей»), но субкультуры предлагают нормы и средства преодоления ограничений, созданных «большой» социальной структурой (отсюда — «теория субкультуры»). Акторы приобщаются к субкультурам и усваивают девиантные нормы и средства (отсюда — «теория научения») [см., напр.: Shaw C., McKay H., 1969 (1942), p. 183; Sutherland E., 1947, p. 6, 7].

Как эта теория решала проблему криминального пика? По мере взросления ребенок: (1) испытывает возрастающее давление ожиданий и требований и (2) все чаще пытается их выполнить, обращаясь к легальным и легитимным средствам. Поскольку доступность таких средств (образовательных, профессиональных и иных) в обществе ограничена, дети все чаще не оправдывают ожиданий взрослых. Так как доступность также распределена *неравно между социальными классами*, дети из низших классов не оправдывают ожидания чаще, чем дети из высших. Противоречие двух сочетанных напряжений разрешается обращением к доступным, но незаконным средствам [Cloward R.A., 1959, p. 166–170].

Отсюда положительная связь между возрастом и числом преступлений, совершаемых подростками. Эта связь усиливается также факторами физического и психического развития: старшие подростки психически и физически более способны совершить преступление, чем дети младшего подросткового возраста [Greenberg D., 1977, p. 191]. Тот же эффект оказывает сокращение материальной поддержки со стороны родительской семьи и растущая потребность подростка в приобретении косметики, алкоголя, сигарет и т.п. [Greenberg D., 1977, p. 196].

Для теории структуры принципиальна связь субкультур с подростками — выходцами из *низших* классов: в них дети должны искать возможности преодолевать ограничения, создаваемые социальной структурой [Hirschi T., 1969, p. 7, 8; Bordua D.S., 1961]. Эта связь никогда не имела убедительного эмпирического подтверждения: масштабы криминализации низшего и среднего классов являются сопоставимыми. Кроме того, недавнее панельное исследование показало устойчивость «закона улицы» (убеждений, оправдывающих насилие) в возрасте с 10 до 25 лет [Moule Jr.R. et al., 2015]. Само наличие таких убеждений у подростков не предсказывает совершение ими насильственных преступлений [McGloin M.J. et al., 2011, p. 783].

Теория структуры утратила доверие криминологов не только потому, что были накоплены наблюдения или выводы, опровергавшие роль субкультур и норм. Эта теория не смогла решить две проблемы: (1) измеримости норм и ценностей криминальных субкультур и (2) определения направления каузации — от

переменных структуры к субкультуре либо наоборот [Miller J.M. et al., 1997, p. 171]. Гипотеза теории структуры о решающей роли делинквентных норм и субкультур оказалась теоретическим объяснением статистически *несуществующих* связей.

Этап III. Теория социального контроля

«Центральная идея теории социального контроля — что преступление и девиация более вероятны, когда связь индивида с обществом слаба либо разорвана» [Sampson R.J., Laub J.H., 1997, p. 9; Laub J.H., 2006, p. 242; Hirschi T., 1969, p. 16]. Теория социального контроля (теории дифференциальной ассоциации, связей) переворачивает логику криминализации подростков: не банды научают их быть преступниками, а *готовые преступники* составляют банды. Криминализация начинается раньше: вступление несовершеннолетних в преступные шайки является *следствием* ослабления, утраты или отсутствия прочных связей с институтами, представляющими традиционный социальный порядок (прежде всего семья и школа) [Baron S., Tindall D.B., 1993].

Утрата веры в структурные факторы криминализации несовершеннолетних побудила исследователей прибегнуть к довольно прямолинейной логике *эмпирического* поиска различий в биографиях («карьерях» или «траекториях») делинквентов. Это традиция многолетних панельных исследований. Самое одиозное из них провели Шелдон и Элеонор Глюки. Они изучали две группы мужчин (500 делинквентов и 500 не-делинквентов) в течение 25 лет: каждый респондент из панели опрашивался методом формализованного интервью трижды: в 14, 25 лет и в 32 года. Данные о респондентах-делинквентах собирались также путем анализа документов, опроса родителей и учителей. Начатое в 1939 г. исследование было продолжено Лаубом и Сэмпсоном, проследившими криминальные карьеры до 70-летнего возраста. Исследователи искали причины криминализации (начала преступной деятельности) и изучали эффект исправительно-карательных мер. Подход Глюков (отбор респондентов, переменных, анализ данных) подвергся суровой критике [см., напр.: Hartung F.E., 1958]. Однако их результаты сохранили свою актуальность [Laub J.H., Sampson R.J., 1991; Sampson R.J.,

Laub J.H., 2005]: структурные факторы не оказали влияния на криминальные карьеры обеих групп в панели. Эффект имели неструктурные факторы (отражающие выбор поведения при данных структурных неизменных условиях): алкоголизм и уголовное прошлое родителей, смена места жительства и семейная ситуация (родительский надзор, привязанность к семье, дисциплина) [Harris-McKoy D., Cui M., 2013; Glueck S., Glueck E., 1956, p. 175; Laub J.H., Sampson R.J., 1988, 1991; Sampson R.J., Laub J.H., 2003]. Позднее, правда, Сэмпсон и Лауб включили в число эффективных факторов структурные условия: бедность и размер семьи [Sampson R.J., Laub J.H., 2003, p. 321–322].

Теория контроля обращает внимание на локальные условия криминализации (в семье, соседстве, школе) и ставит под сомнение существование стабильной, структурно предсказуемой группы закоренелых уголовников [см., напр.: Piquero A.R., 2008, p. 51; Bersani B. et al., 2009]. Исследования эффектов социального контроля стремятся обнаружить осязаемые «защитные» меры воздействия на подростков. Например, Фаррингтон и соавторы нашли влияние школьной занятости (интереса к учебе, прогулов, успеваемости) на развитие криминальной карьеры [Craig J.M. et al., 2017; Farrington D.P., 2019; см. также: Brownfield D., 2014]. Направление этой связи, однако, может быть *обратным*: агрессивные дети могут встречать отторжение со стороны одноклассников и учителей, вследствие чего могут снижаться их учебная дисциплина и успеваемость [Sampson R.J., Laub J.H., 1997, p. 14–15]. Возьмем основной аргумент Сэмпсона и соавторов: спад преступности молодежи после 20 лет может объясняться восстановлением связей с некриминальным обществом (трудоустройство, вступление в брак, рождение детей, приобретение собственности и т.п.) [Sampson R.J., Laub J.H., 1997, p. 14–15]. Но каково *направление* причинения? Молодежь перестает быть делинквентной, потому что вступает в новые социальные отношения, либо, наоборот, остепеняется, потому что перестает совершать преступления? Возможно, повзрослевшие делинквенты *делают выбор* между продолжением криминальной карьеры и началом законопослушной жизни под влиянием другого, неизвестного фактора? [Cohen L.E., Vila B.J., 1996,

p. 144]. Итак, способность панельных исследований обнаруживать каузальные связи может быть мнимым преимуществом [Cullen F.T. et al., 2019].

Теория социального контроля наследует недостатки теории структуры: (1) отсутствие эмпирических подтверждений и (2) незнание направления каузации.

Этап IV. Кризис криминологической теории

Кризис проявляется в утрате социологизма при изучении криминальности несовершеннолетних и в тривиализации этой проблемы. Проблема криминального пика остается нерешенной.

Автор криминологического бестселлера «Причины делинквентности» (52 издания с 1969 по 2017 г.) Хирши подвел итог спора теоретиков структуры и социального контроля так: «...возрастное распределение преступлений не может быть объяснено ни одной переменной, ни комбинацией переменных, ныне доступных криминологии» [Hirschi T., Gottfredson M.R., 1983, p. 554]. Сам Хирши предложил объяснять проблему пика преступности *низким самоконтролем* [Gottfredson M.R., Hirschi T., 1990]. Последний определен как *внутреннее* состояние (!) — «склонность домогаться краткосрочных вознаграждений без учета долгосрочных последствий» [Gottfredson M., Hirschi T., 1990, p. 177]. Подростки с низким уровнем самоконтроля чаще подвергаются арестам [Beaver K.M. et al., 2009b] и виктимизации [Schreck C.J. et al., 2006]. Вероятно, что они же чаще нарушают закон, т.к. замечено «поразительное соответствие характеристик преступников и жертв их преступлений» [Schreck C.J. et al., 2007, p. 382; Schreck C.J. et al., 2008]. Те и другие одинаково принимают нормы «закона улицы» — «неформальной системы регулирования применения насилия» [Stewart E.A. et al., 2008, p. 14]. Преступные начала присущи человеку, и при слабом самоконтроле и случайных обстоятельствах он всегда готов стать агентом либо жертвой криминальных посягательств.

Здесь мы видим начало кризиса криминологической теории: она теряет перспективу *социологического* объяснения преступности и преступления. С одной стороны, эта теория обращается к слабому самоконтролю (*психологическая* переменная) и к раннему пубертату (*психофизиологическая* переменная) [Schreck C.J. et al.,

2007] как к причинам криминализации подростков (о связи теории виктимизации с теорией самоконтроля — Schreck C. (1999), с теорией социальных связей — Schreck C. Wright R. and Miller J.M. (2002) [Schreck C.J., 1999; Schreck C.J. et al., 2002]; поэтому считаем теорию виктимизации Шрека и соавторов продолжением теории Готтфредсона и Хирши). С другой стороны, теория самоконтроля теряет саму *способность к объяснению*. Влияние слабой способности к самоконтролю и возраста достижения половозрелости на криминализацию подростков *остается лишь гипотезой*, т.к. обе эти характеристики формируются в детстве — еще до того момента, когда становятся применимы *социологические* переменные (занятость, брачность, детность, доход и т.д.) [Cohen L.E., Vila B.J., 1996, p. 140].

Итак, теория низкого самоконтроля остается лишь гипотезой. Недостатки самой этой гипотезы весомы: она не различает *типы преступлений* (низкий уровень самоконтроля может одинаково объяснять убийство и изнасилование) и сосредоточена на препятствиях к совершению преступлений, а не на причинах преступности [Miller S.L., Burack C., 1993, p. 117]. Эмпирический контраргумент — поведенческие проявления низкого самоконтроля могут быть объяснены, минуя эту переменную, как эффекты факторов социального контроля: «плохого родительства» и «дурного соседства» [Simons R., Burt C., 2011, p. 556].

Теории социального контроля и самоконтроля зависят от решения вопроса о *природе человека* [Cullen F.T. et al., 1999, p. 190]: делинквентность — результат того, что: (1) хороший человек попал в развращающие условия, (2) испорченный человек оказался в недостаточно благоприятных условиях или (3) в человеке изначально представлены склонности к нормальному и отклоняющемуся поведению?

Теория самоконтроля, очевидно, исходит из последнего предположения. Это возврат к утверждениям *ранних авторов о моральной нейтральности* природы человека и его поведения: преступление — «феномен нормальной социологии» [Durkheim E., 1895, p. 32], «криминальное поведение... должно объясняться на общих основаниях с любым другим человеческим поведением» [Sutherland E., 1947, p. 4], «некоторая степень делинквентности в раннем

возрасте почти универсальна для детей» [Taft D.R., 1951, p. 312], «преступные склонности естественно заложены в инстинктах», «преступные способности в каком-то смысле нормальны для каждого человека, а подавление их зависит от различных социальных институтов (agencies)» [Ellwood C.A., 1912, p. 720]. Если структурные теории еще исследовали вопрос «как человек становится преступником?», то теперь, напротив, утверждается, что подростки «скорее, научаются неделинквентному поведению... Формирование законопослушного характера — тяжело дающийся процесс» [Laub J.H., Sampson R.J., 1991, p. 1432].

Биологическое объяснение делинквентности в духе Ломброзо никогда не исчезало из поля зрения. Например, в 1930-х гг. Шелдон исследовал 170 заключенных в штате Массачусетс и обнаружил, что 40 % из них принадлежали к низкорослому мезоморфному типу (при 3 % в среднем по США) [Sheldon W.H., 1942, p. 312]. Но настоящее возвращение биологической теории происходит много позже [Savage J., Vila B., 2003; Sirgiovanni E., 2017] в лице новой дисциплины — биосоциальной криминологии. Основные тезисы новых криминологов: (1) социологи игнорируют роль генов в развитии делинквентности, (2) считают, что имеется прямая связь между генами и поведением [Beaver K.M. et al., 2008, p. 229; Delisi M. et al., 2011, p. 361], (3) «генетические факторы взаимодействуют (sic) с делинквентными сверстниками и низким самоконтролем, предсказывая уровни делинквентности» [Beaver K.M. et al., 2009a, p. 147]. Нам не известны ни работы криминологов, содержащие тезисы 1 и 2, ни ссылки на них в трудах биокриминологов. Насколько справедливы (разумны) эти аргументы? Во-первых, социологи действительно игнорируют множество потенциальных источников влияния на поведение: социология не имеет собственных средств исследования несоциальных факторов, а попытки ученых-социологов изучить их влияние вызвали бы возражения представителей профильных наук. Во-вторых, именно в работах биокриминологов обнаруживаются аргументы к прямой связи генов с поведением. Нет сомнений в том, что социальные и биологические факторы влияют на формирование преступного поведения. Но используемые сегодня концепты не описывают, не измеряют и не объясняют

вклад этих переменных. В связи с этим невозможно определить границу влияния генетических и социальных факторов [Burt C., 2015; Collins W.A. et al., 2000].

Нет решительных подтверждений половых различий. Так, мужчины чаще совершают преступления, особенно насильственного характера [Boisvert D. et al., 2012, p. 306]. Женщины — частые жертвы преступлений, совершенных мужчинами. Мужчины могут чаще совершать преступления не в силу генетической предрасположенности, а только потому, что жертва преступления слабее (при нападении на женщину) или преступные навыки были освоены ими в прошлых нападениях на женщин (при нападении на жертву-мужчину).

Другая сомнительная связь — корреляция низкого самоконтроля (тоже сомнительной переменной, как сказано выше) с расой. За этой связью могут скрываться *культурные* и *социальные* особенности группы: например, практики материнства и ухода за детьми (раннее материнство и раннее прекращение грудного вскармливания) [Barnes J.C. et al., 2016], недоедание и нерегулярное питание в детстве [Jackson D.B. et al., 2018]. Такие социальные нормы и стратегии адаптации к неблагоприятным социальным условиям исторически ассоциированы с расовыми группами, но генетически не детерминированы. Нет свидетельств наследования склонности к насилию: например, большинство несовершеннолетних жертв домашнего насилия не становятся насильниками, но факт пережитого насилия повышает такой риск [Wright J.P. et al., 2012, p. 253].

Предположение о генетических источниках делинквентности, по-видимому, неизбежно ведет к видению делинквента как неисправимого и неадекватного субъекта. Фокус внимания теоретиков и практиков *при таком подходе*, вероятно, должен смещаться от объяснения к осуждению, от реформ к наказанию, от макро- к микроперспективе.

Кризис криминологической теории, с одной стороны, проявился как утрата социологизма (получают развитие психологизирующая аргументация к самоконтролю и редукция к биологическим факторам). С другой стороны, *собственно социологические* теории теряют делинквентных подростков в качестве объекта исследования из виду и сосредотачиваются на аген-

тах социального контроля (теории клеймения и моральной паники) и экологии преступлений (теория социальной дезорганизации).

Этап IVa. Кризис: теория моральной паники

Здесь проявляется тенденция, заложенная еще теорией социального контроля. Эта теория репрессивна: она «предлагает сделать что-то с человеком, а не для человека» [Cullen F.T. et al., 1999, p. 189].

Основной аргумент теории моральной паники — элиты стремятся усилить контроль над обществом, запугивая его мнимыми или реальными криминальными и социальными опасностями (вандализм, ВИЧ, похищения детей, педофилия, наркотизация, иммиграция, насилие на ТВ, уличная преступность и молодежные субкультуры) [Crichton C., 2008]. Например, агенты социального контроля (чиновники, активисты и СМИ) обращают внимание аудитории на бесчинства молодежных группировок, выдают эти эксцессы за беспрецедентные, невиданные доселе по масштабам и разрушительности выходки [Pearson G., 1983], апеллируют к моральным дефектам молодых делинквентов: «безнравственности, отсутствию родительского контроля, избытку свободного времени, ведущим к преступлению» [McRobbie A., Thornton S.L., 1995, p. 561–562].

Аргумент к моральному разложению молодежи и беспрецедентности позволяет мобилизовать широкую поддержку призывов к ужесточению надзорных и карательных мер [Garland D., 2001; Pickett J.T. et al., 2013]. Алармистская атмосфера подогревается нарративами о знаковых, символических событиях, призванных усилить у аудитории озабоченность и страх [Jennings W. et al., 2017, p. 2]. Такие события должны быть одиозны: вызывать отвращение и ожесточение; публика должна действовать, руководствуясь эмоциями.

Этап IVb. Кризис: экологическая традиция

Возобновляется т.н. экологическая традиция. Еще Шоу и Маккей (1942) обнаружили, что, несмотря на смену этнического состава населения, криминальная ситуация в т.н. городских зонах сохранялась [Shaw C., McKay H., 1969]. Они объясняли такую стабильность *структурными* факторами: бедность, этническая неоднород-

ность и смена жителей предотвращают усиление способности соседств к самоорганизации. Резидентская текучесть из *озадачивающего* фактора (почему при смене населения ситуация не меняется?) стала фактором *объясняющим* (ситуация не меняется *из-за* смены населения).

Вводится понятие «дезорганизованное соседство», подверженное социальной дезорганизации. Социальная дезорганизация — «неспособность структуры общины реализовать общие для ее жителей ценности и поддерживать эффективный контроль» [Sampson R.J., Groves W.B., 1989, p. 777]. Для такой общины характерны урбанизированность, бедность, этническая неоднородность, смена населения, неполные семьи, слабые дружеские сети, безнадзорные группы подростков и низкая общественная активность [Kubrin C.E., Wo J., 2016, p. 124; Sampson R.J., Groves W.B., 1989]. Эти («экологические») условия жизни определяют криминальную статистику в округе в большей степени, чем характеристики *самых жителей* [Kubrin C.E., Weitzer R., 2003, p. 374].

Социальный контроль здесь понимается в самом непосредственном и ограничительном смысле. Подростки должны быть подчинены контролю через структурированную деятельность, которая «организована взрослыми и находится под их надзором» [Osgood D.W. et al., 2005, p. 47]: в школе, в спортивном клубе, на уроках с репетитором и т.п. Чем меньше «структурирована» деятельность, тем с большей вероятностью человеку представятся возможности для проблемного поведения в том простом смысле, что он или она не будет занят(а) чем-то еще [Osgood D.W. et al., 2005, p. 51].

Фокус внимания исследователей смещается с несовершеннолетних на «соседства», эффекты социальных связей и социального капитала [Kubrin C.E., Wo J., 2016, p. 128]. Роль несовершеннолетних оказывается сведена к опосредующей переменной под собирательным понятием «безнадзорная молодежь» [см., напр.: Sun I.Y. et al., 2004], где «безнадзорность» — атрибут отнюдь не молодежи, а взрослого сообщества, утратившего контроль («надзор») над детьми. «Безнадзорная молодежь» совершает противоправные действия, но концепт этот обозначает вовсе не субъектность *молодежи*, а *потерю субъектности* взрослыми! Родители оставляют детей без присмотра, не рас-

познают их проступки и прибегают к беспорядочным и избыточным наказаниям [Unnever J.D. et al., 2006, p. 2–3].

Полностью утрачивается социологизм в новом жанре криминологии — исследовании траекторий мест совершения преступлений (с 1980-х гг.). Фокус внимания исследователей сужается и переходит от «городских зон» и «дезорганизованных соседств» к т.н. горячим точкам преступности, конкретным местам совершения преступлений. К примеру, в Миннеаполисе 50 % вызовов полиции поступали с 3 % адресов [Sherman L. et al., 1989, p. 37]. От вопросов «кто преступник?» и «почему?» исследователи траекторий Шерман, Вейсбурд и соавторы перешли к вопросам «где преступник?» и «какое преступление?». Было предположено, что места совершения преступлений должны иметь благоприятствующие условия [Weisburd D. et al., 2004]. Делинквентное *место* сочетает в себе три условия: (1) наличие мотивированного посягателя и (2) удобной жертвы, (3) отсутствие правоохранителя [Cohen L.E., Felson M., 1979, p. 589–590].

Выхолащивание социологизма в новых подходах к объяснению криминализации идет рука об руку с тривиализацией. Например, Вейсбурд и соавторы в результате 14-летнего исследования статистики пришли к заключению о неизменности мест совершения преступлений [Weisburd D. et al., 2004, p. 310]. Обнаружение этого общеизвестного факта приводит авторов к справедливому выводу о необходимости «большого понимания природы таких мест и их (sic!) опыта» [Weisburd D. et al., 2004, p. 310–311]. Однако «опыт» и «природа» означают здесь лишь «социальную организацию поведения в географическом месте» и «фиксированную физическую среду, полностью и одновременно наблюдаемую невооруженным глазом» [Sherman L. et al., 1989, p. 31–32]. Редукция *социальной* реальности к *физической* порождает карикатурные механистические рекомендации: «...жертвы должны быть менее удобные, охрана — увеличена, а подача потенциальных посягателей снижена» (приводим буквальный перевод. — А.К.) [Sherman L. et al., 1989, p. 47]. Таков ответ на триаду детерминант криминализации места «посягатель – жертва – страж» Коэна и Фелсона. Эти авторы пытались объяснить резкий рост числа ограблений, изнасилований и

убийств на фоне роста занятости, доходов и школьников среди афроамериканцев (на чей счет относилась значительная часть тяжких преступлений). Интересно, что Козн и Фелсон возвращают нас к изучению *структурных* условий, однако в совершенно новом ключе: не бедность, а *рост* благосостояния привел к росту преступности, поскольку, с одной стороны, дома американцев наполнились товарами длительного пользования, с другой стороны, эти дома опустели в результате выхода женщин на рынок труда и распространения культуры проведения досуга вне дома [Cohen L.E., Felson M., 1979, p. 598, 605].

Итак, происходит измельчание социологической аналитики и эмпирики: криминология движется от Чикагской школы, сфокусированной на структурных аспектах классовой динамики и мерах социальной политики, к полицейской практике, внимание которой направлено на слежку за местами наиболее вероятного совершения преступления и ловлю конкретного преступника.

Этап IVc. Кризис: теория клеймения

Мнение криминологической теории о природе человека только ухудшалось. Чикагская школа еще была благосклонна к человеку: девиация и деликт понимались как результат попадания хорошего человека в плохие социальные условия, у У. Томаса девиация еще прогрессивна: это «высвобождение важной социальной энергии, которая не могла найти выражение при прежних нормах» [Thomas W.I., 1923, p. 231]. В более поздних школах и биокриминологии человек изначально морально нейтрален, но воспринимается как существо испорченное и нуждающееся в обуздании.

Вероятно, поэтому теория клеймения (Г. Бекер, И. Гофман) могла развиваться только из концепции Чикагской школы. Специального внимания преступности подростков эта теория не уделяла, поэтому ограничимся здесь только самым кратким замечанием. Основной постулат этой теории — никакой *естественной* разницы между законопослушным, девиантным и делинквентным поведением не существует: «Девиантность не есть качество действия, совершаемого человеком, но скорее последствие применения другими людьми правил и санкций к “нарушителю”. Девиант есть тот, к кому этот

ярлык был успешно применен; девиантное поведение — поведение, которое так заклеено» [Becker H.S., 1966, p. 9]. Итак, социологический подход к объяснению преступности здесь сохраняется, но только путем релятивизации самого понятия «преступление»; оно рассматривается как социальный конструктор.

Обсуждение

С момента обнаружения в начале XX в. тюремным инспектором Чарльзом Горингом пика криминальности в возрасте между 15 и 25 годами западная криминологическая наука прошла долгий путь поиска причин начала и прекращения преступной деятельности. Объяснение этого феномена предполагало ответ на четыре вопроса: (1) почему люди после 15 лет начинают чаще совершать преступления и (2) почему они все реже совершают их после 20 лет, (3) какие из подростков криминализуются и (4) какие из молодых людей декриминализуются после 20 лет? Вопросы 1 и 2 остались без ответа. Вопросы 3 и 4 были связаны с проблемами *социальной структуры* (на преступление человека толкают внешние социальные условия и влияния) либо *социального контроля* (к преступлению человека тянет *внутренняя* сила, не обузданная внешними рамками, узами, связями). Обе доктрины были сосредоточены на поиске факторов криминализации, и обе впоследствии были вынуждены признать постулат универсальности отношения «преступление – возраст»: пик криминальности наблюдался в *разных* социальных, географических, гендерных, половых, расовых группах и общностях. Вместе с этим эмпирическим фактом необходимо принять и его частный случай — поразительную симметрию отношения «преступник – жертва»: убийца, грабитель, насильник и его жертва чаще всего принадлежат к одной и той же группе и общности (показательно, что нарушение этой симметрии рутинно определяется как *специальный* тип преступления — геноцид!). Неспособностью классической криминологии найти социальные факторы криминализации воспользовались новые доктрины — биосоциальная криминология и экологическая теория. Если нет социальных различий между подростком, подверженным криминализации, и подростком, не подверженным ей, то нет социальных различий и между преступником и

жертвой. Если социальных факторов криминализации на самом деле не существует, то исчезает проблема *разграничения* влияния социальных и несоциальных факторов. Биокриминологи предложили изучить девиантные проявления у близнецов [см.: Barnes J.C. et al., 2014]. Как и ожидалось, были обнаружены корреляции, и теперь их вновь можно объяснять генетическими факторами, не тратя времени на упраздненные социальные факторы.

Экологическая криминология предложила игнорировать не социальную детерминацию преступности (как биокриминология), а саму *проблему* такой детерминации: сместить фокус исследования с криминализации *человека* на криминализацию *места* преступления. Теории клеймения и моральной паники предложили проблематизировать не превращение *человека* в преступника, а превращение *действия* в преступление. Действительно, пусть социальная детерминация *преступности* оказалась эмпирически дискредитированной, но все же еще можно апеллировать к социальным причинам при объяснении стигматизации.

Независимо от того, изучается ли криминализация человека, действия или места, постулируется ли социальная либо биологическая детерминация криминальности, пик криминализации в возрасте 15–25 лет остается самым важным и необъясненным эмпирическим фактом.

Пик криминальности, независимость которого от социальных факторов и зависимость от возраста была доказана, казалось бы, должен был привлечь внимание биокриминологов. Однако этот феномен практически не освещается учеными-биокриминологами (возможно, ввиду лишь слабого знакомства с криминологической литературой?). Но и здесь уже обнаруживается *асимметричность причин* этого пика: Connolly и Kavish (2018) изучали связь агрессивности и делинквентности у *сиблингов* (т.е. отчасти контролируя *генетическую* близость респондентов и *культурную* — семейного воспитания) и нашли позитивное влияние агрессивности на начало криминальной активности и отсутствие влияния на ее *завершение*, придя к выводу, что на выход из пика криминализации оказывают воздействие какие-то другие, новые причины [Connolly E.J., Kavish N., 2018]. Но могут ли такие причины быть *генетически* обусловлены? Поскольку подростки на «входе» в пик крими-

нализации генетически те же люди, что и на «выходе» из него, такие аргументы могут быть бессильны объяснить центральный феномен криминологии.

Эти причины, по-видимому, должны быть *социальными*. Однако социум в биокриминологии сведен к *среде* (environment) — абстрактному набору инертных и простых переменных или событий. Возможно, поэтому исследования «взаимодействия генов и среды» (GxEs) получают сомнительные, плохо реплицируемые результаты [см., напр.: Duncan L.E. et al., 2014]. Среди переменных среды, которые влияют на криминализацию подростков, могут быть:

- популяризация и романтизация уголовной субкультуры в СМИ;
- намеренное втягивание в уголовную деятельность;
- контакт с правоохранительной системой (например, эмпирически показана положительная связь ареста с рецидивами [Motz R. et al., 2019]; при этом суровость ограничительных мер может не иметь значения, как показали устойчивые темпы рецидивности в рамках новаторского проекта *HOPE* [см., напр.: Cullen F.N. et al., 2018]).

Эти влияния трудно объяснить генетическими особенностями *жертвы* такого воздействия.

Заключение

Признаки кризиса теории преступности *подростков* — выхолащивание социологизма и тривиализация объяснений — это признаки деградации криминологии как таковой. Как криминология, некогда *социологическая* дисциплина, пришла к биологическому редукционизму — к идее, что *социальные* причины в конечном итоге сводятся к эффектам генетических факторов и психических отклонений? Обзор развития и кризиса западной криминологии, на наш взгляд, обнаруживает фундаментальное историческое заблуждение, унаследованное ею еще от донаучных убеждений. *Криминология* никогда *всерьез* не рассматривала *преступление* как *объект, заслуживающий анализа*. Ее внимание изначально было сосредоточено на преступнике. Криминальные типы Ломброзо («обезьяний», «дегенерат», «низшая раса») локализовали причину преступления в

человеке: *он* отклоняется от социальной и физиологической нормы («этиологию преступника» Ломброзо считает буквально частным случаем «патологии человека» [см., напр.: Lombroso C., 1897, p. 65]) индивидуально или коллективно (например, «цыган, в целом, как и бедуинов, можно назвать расой объединившихся злодеев» (*razza di malfattori associati*) [Lombroso C., 1897, p. 194–195]). Криминология отвергла биологический детерминизм ломброзианцев, но оставила сам принцип, заключающийся в том, что причины преступности следует искать в преступнике. Ранняя криминология (структурная теория) еще считала, что преступные наклонности вызваны в (изначально *хорошем*) человеке негативными социальными условиями. Но уже теории социального контроля перевернули эту оппозицию: согласно им зло коренится *в человеке*, и, если внешние ограничения слабы, его самоконтроль тоже ослаблен, — преступная натура вырывается наружу в преступном деянии. Таков был первый шаг криминологии *назад*, к *уголовному типу человека* у Ломброзо и его учеников.

Но все различия между перечисленными концепциями окажутся второстепенными, *если рассмотреть сам метод*. Какой вопрос исследовала классическая криминология и как ее представители искали криминальный тип? Логика *поиска* включала в себя естественные, как казалось, этапы. Необходимо: (1) найти человеческую группу с относительно высокой уголовной статистикой (обнаружив отличительный признак этой группы, x_1) и повторить тот же поиск внутри этой группы (обнаружив последовательно x_2 , x_3 , и т.д. в подвыборках), (2) допустить, что обнаруженные межгрупповые различия (x_1 , x_2 , x_3 , ...) являются проявлениями/описаниями *причин* поведения (y), (3) объяснять необязательность реализации причин (x_1 , x_2 , x_3 , ...) в каждом индивидуальном случае Y_i вмешательством посторонних случайных обстоятельств (z_1 , z_2 , z_3 , ..., например, возможностей совершить преступление). Здесь необходимо сделать два замечания: (1) совершенно безразлично, являются ли x -признаки социальными или биологическими, (2) допустимо объяснять наличие вмешивающихся z -признаков недостаточной изученностью x -признаков (в конечном итоге z_1 , z_2 , z_3 , ... могут быть редуцированы к x_4 , x_5 , x_6 , ...). Итак,

обе доктрины — классической криминологии и биокриминологии — взаимно редукционистские и ошибочные. Ошибка заключена в отождествлении межгрупповых *различий с причинами* поведения (этап 2).

Общая черта обеих доктрин также состоит в том, что искомый ими ответ не был ответом на поставленный вопрос. Хирши был прав, на наш взгляд, определив, что разные школы классической криминологии задавались главным вопросом социологии: «Как возможен социальный порядок?» [Hirschi T., 1969, p. 4–11]. Но отвечали они совсем на другой вопрос: «*Кто* нарушает социальный порядок?». Представители социальных групп? Субкультур? Жертвы плохого социального контроля или стигматизации? Биокриминология высказала критику этих теорий за неспособность ответить на этот второй вопрос и предложила генетические причины (напомним, что благодаря смешению причин с межгрупповыми различиями обе доктрины не различают вопросы «*кто нарушает?*» и «*почему нарушает?*»). Но если в криминологии вопрос о социальном порядке не был должным образом освещен, то в биокриминологии он вообще не может быть поставлен. Аргумент к отбору в популяциях в пользу генов альтруизма и *кооперации*, эволюционно выгодных для заботы о потомстве [см., напр.: Walsh A., Biever K.M., 2009, p. 83–84], не объясняет возникновение социальной организации на уровнях выше семейной группы. Создание суда, полиции и тюрьмы трудно объяснить сильными родительскими инстинктами. Очевидно, что ведущую роль здесь должны играть разделение труда и *кооперация* — сугубо социальный тип организации.

References

- Barnes, J.C., Boutwell, B.B., Miller, J.M., DeShay, R.A., Beaver, K.M. and White, N. (2016). Exposure to pre- and perinatal risk factors partially explains mean differences in self-regulation between races. *PLoS ONE*. Vol. 11, iss. 2. Available at: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0141954> (accessed 30.04.2019). DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0141954>
- Barnes, J.C., Wright, J.P., Boutwell, B.B., Schwartz, J.A., Connolly, E.J., Nedelec, J.L. and Beaver, K.M. (2014). Demonstrating the validity of twin research in criminology. *Criminology*. Vol. 52,

iss. 4, pp. 588–626. DOI: <https://doi.org/10.1111/1745-9125.12049>

Baron, S. and Tindall, D.B. (1993). Network structure and delinquent attitudes within a juvenile gang. *Social Networks*. Vol. 15, iss. 3, pp. 255–273. DOI: [https://doi.org/10.1016/0378-8733\(93\)90008-9](https://doi.org/10.1016/0378-8733(93)90008-9)

Bassiouni, M.C. and Sewell, A.F. (1974). Scientific approaches to juvenile delinquency and criminality. *DePaul Law Review*. Vol. 23, iss. 4, p. 1344–1407. Available at: <https://via.library.depaul.edu/law-review/vol23/iss4/3> (accessed 27.04.2019).

Beaver, K.M., Delisi, M., Mears, D. and Stewart, E. (2009). Low self-control and contact with the criminal justice system in a nationally representative sample of males. *Justice Quarterly*. Vol. 26, iss. 4, pp. 695–715. DOI: <https://doi.org/10.1080/07418820802593352>

Beaver, K.M., Delisi, M., Wright, J.P. and Vaughn, M. (2009). Gene-environment interplay and delinquent involvement: evidence of direct, indirect, and interactive effects. *Journal of Adolescent Research*. Vol. 24, iss. 2, pp. 147–168. DOI: <https://doi.org/10.1177/0743558408329952>

Beaver, K.M., Wright, J.P. and Delisi, M. (2008). Delinquent peer group formation: evidence of a gene x environment correlation. *The Journal of Genetic Psychology*. Vol. 169, iss. 3, pp. 227–244. DOI: <https://doi.org/10.3200/GNTP.169.3.227-244>

Becker, H.S. (1966). *Outsiders: studies in the sociology of deviance*. N.Y.: Free Press, 180 p.

Bersani, B., Nieuwebeerta, P., and Laub, J.H. (2009). Predicting trajectories of offending over the life course: findings from a Dutch conviction cohort. *Journal of Research in Crime and Delinquency*. Vol. 46, iss. 4, pp. 468–494. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022427809341939>

Boisvert, D., Vaske, J., Wright, J.P. and Knopik, V. (2012). Sex differences in criminal behavior a genetic analysis. *Journal of Contemporary Criminal Justice*. Vol. 28, iss. 3, pp. 293–313. DOI: <https://doi.org/10.1177/1043986212450224>

Bordua, D.S. (1961). Delinquent subcultures: sociological interpretations of gang delinquency. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 338, iss. 1, pp. 119–136. DOI: <https://doi.org/10.1177/000271626133800113>

Braithwaite, J. (1989). *Crime, shame and reintegration*. Cambridge: Cambridge University Press, 226 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511804618>

Brownfield, D. (2014). Testing a subcultural theory of crime and delinquency in a gang context. *Journal of Gang Research Volume*. Vol. 21, no. 4. Available at:

<https://ngcrc.com/journalofgangresearch/jgr.v21n4.brownfield.pdf> (accessed 30.04.2019).

Burt, C. (2015). Heritability studies: methodological flaws, invalidated dogmas, and changing paradigms. *Advances in Medical Sociology*. Vol. 16, pp. 3–44. DOI: <https://doi.org/10.1108/S1057-629020150000016002>

Clinard, M.B. (1951). Sociologists and American criminology. *Journal of Criminal Law and Criminology (1931–1951)*. Vol. 41, no. 5, pp. 549–577. DOI: <https://doi.org/10.2307/1138770>

Cloward, R.A. (1959). Illegitimate means, anomie, and deviant behavior. *American Sociological Review*. Vol. 24, no. 2, pp. 164–176. DOI: <https://doi.org/10.2307/2089427>

Cloward, R.A. and Ohlin, L.E. (1960). *Delinquency and opportunity, a theory of delinquent gangs*. Glencoe, ILL: The Free Press, 220 p.

Cohen, A. (1955). *Delinquent boys: The culture of the gang*. N.Y.: Free Press, 198 p.

Cohen, L.E. and Felson, M. (1979). Social change and crime rate trends: a routine activity approach. *American Sociological Review*. Vol. 44, no. 4, pp. 588–608. DOI: <https://doi.org/10.2307/2094589>

Cohen, L.E. and Vila, B.J. (1996). Self-control and social control: An exposition of the Gottfredson-Hirschi/Sampson-Laub debate. *Studies on Crime and Crime Prevention*. Vol. 5, iss. 2, pp. 125–150.

Collins, W.A., Maccoby, E.E., Steinberg, L., Hetherington, E.M., and Bornstein, M.H. (2000). Contemporary research on parenting: The case for nature and nurture. *The American Psychologist*. Vol. 55, iss. 2, pp. 218–232. DOI: <https://doi.org/10.1037/0003-066x.55.2.218>

Connolly, E.J. and Kavish, N. (2018). The causal relationship between childhood adversity and developmental trajectories of delinquency: a consideration of genetic and environmental confounds. *Journal of Youth and Adolescence*. Vol. 48, iss. 2, pp. 199–211. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10964-018-0960-0>

Craig, J.M., Piquero, A.R., Farrington, D.P. and Ttofi, M.M. (2017). A little early risk goes a long bad way: Adverse childhood experiences and life-course offending in the Cambridge study. *Journal of Criminal Justice*. Vol. 53, pp. 34–45. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2017.09.005>

Cressey, P. (2008). *The taxi-dance hall: a sociological study in commercialized recreation and city life*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 334 p.

Critcher, C. (2008). Moral panic analysis: past, present and future. *Sociology Compass*. Vol. 2, iss. 4, pp. 1127–1144. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1751-9020.2008.00122.x>

- Cullen, F.T., Pratt, T. and Graham, A. (2019). Why longitudinal research is hurting criminology. *The Criminologist*. Vol. 44, no. 2, pp. 1–7. Available at: <https://asc41.com/Criminologist/2019/ASC-Criminologist-2019-03.pdf> (accessed 14.01.2020).
- Cullen, F.N., Pratt, T., Turanovic, J. and Butler, L. (2018). When bad news arrives: Project HOPE in a post-factual world. *Journal of Contemporary Criminal Justice*. Vol. 34, iss. 1, pp. 13–34. DOI: <https://doi.org/10.1177/1043986217750424>
- Cullen, F.T., Wright, J.P. and Chamlin, M. (1999). Social support and social reform: a progressive crime control agenda. *Crime and Delinquency*. Vol. 45, iss. 4, pp. 188–207. DOI: <https://doi.org/10.1177/0011128799045002002>
- Delisi, M., Wright, P.J., Beaver, K. and Vaughn, M. (2011). Teaching biosocial criminology I: Understanding endophenotypes using gottfredson and Hirschi's self-control construct. *Journal of Criminal Justice Education*. Vol. 22, iss. 3, pp. 360–376. DOI: <https://doi.org/10.1080/10511253.2010.519713>
- Duncan, L.E., Pollastri, A.R. and Smoller, J.W. (2014). Mind the gap: Why many geneticists and psychological scientists have discrepant views about gene-environment interaction (GxE) research. *The American Psychologist*. Vol. 69, iss. 3, pp. 249–268. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0036320>
- Durkheim, E. (1982). *The rules of sociological method*, ed. by Steven Lukes; trans. by W.D. Halls. N.Y.: Free Press, 265 p.
- Ellwood, C.A. (1912). Lombroso's theory of crime. *Journal of the American Institute of Criminal Law and Criminology*. Vol. 2, no. 5, pp. 716–723. DOI: <https://doi.org/10.2307/1132830>
- Farrington, D.P. (2019). Childhood risk and protective factors for early desisters, late desisters and life-course persistent offenders. *Revista Española de Investigaciyn Criminologica*. Vol. 1, no. 17. Available at: <https://reic.criminologia.net/index.php/journal/article/view/225> (accessed 11.04.2019).
- Garland, D. (2001). *The culture of control: crime and social order in contemporary society*. Oxford, UK: Oxford University Press, 336 p.
- Giordano, P.C. (1978). Girls, guys and gangs: The changing social context of female delinquency. *Journal of Criminal Law and Criminology*. Vol. 69, no. 1, pp. 126–132. DOI: <https://doi.org/10.2307/1142502>
- Glueck, S. and Glueck, E. (1956). Early detection of future delinquents. *Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science*. Vol. 47, no. 2, pp. 174–182. DOI: <https://doi.org/10.2307/1140387>
- Goldin, C. and Katz, L.F. (1999). The shaping of higher education: The formative years in the United States, 1890 to 1940. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 13, no. 1, pp. 37–62. DOI: <https://doi.org/10.1257/jep.13.1.37>
- Goring, C. (1913). *The English Convict*. Montclair, NJ: Patterson Smith Publ.
- Gottfredson, M.R. and Hirschi, T. (1990). *A general theory of crime*. Stanford, CA: Stanford University Press, 297 p.
- Greenberg, D. (1977). Delinquency and the age structure of society. *Contemporary Crises*. Vol. 1, iss. 2, pp. 189–223. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00728871>
- Hagedorn, J.M. (2005). The global impact of gangs. *Journal of Contemporary Criminal Justice*. Vol. 21, iss. 2, pp. 153–169. DOI: <https://doi.org/10.1177/1043986204273390>
- Harris-McKoy, D. and Cui, M. (2013). Parental control, adolescent delinquency, and young adult criminal behavior. *Journal of Child and Family Studies*. Vol. 22, iss. 6, pp. 836–843. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10826-012-9641-x>
- Hartung, F.E. (1958). A critique of the sociological approach to crime and correction. *Law and Contemporary Problems*. Vol. 23, no. 4, pp. 703–734. DOI: <https://doi.org/10.2307/1190395>
- Hentig, H. von (1948). *The criminal and his victim: studies in the sociobiology of crime*. New Haven: CT. Yale University Press, 461 p.
- Hirschi, T. (1969). *Causes of delinquency*. Berkeley, CA: University of California Press, 309 p.
- Hirschi, T. and Gottfredson, M. (1983). Age and the explanation of crime. *The American Journal of Sociology*. Vol. 89, no. 3, pp. 552–584. DOI: <https://doi.org/10.1086/227905>
- Jackson, D.B., Newsome, J., Vaughn, M.G. and Johnson, K.R. (2018). Considering the role of food insecurity in low self-control and early delinquency. *Journal of Criminal Justice*. Vol. 56, pp. 127–139. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2017.07.002>
- Jennings, W., Farrall, S., Gray, E. and Hay, C. (2017). Moral panics and punctuated equilibrium in public policy: an analysis of the criminal justice policy agenda in Britain. *Policy Studies Journal*. Vol. 48, iss. 1, pp. 207–234. DOI: <https://doi.org/10.1111/psj.12239>
- Kubrin, C.E. and Weitzer, R. (2003). New directions in social disorganization theory. *Journal of Research in Crime and Delinquency*. Vol. 40, iss. 4, pp. 374–402. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022427803256238>
- Kubrin, C.E. and Wo, J. (2016). Social disorganization theory's greatest challenge: linking structural characteristics to crime in socially disorganized

neighborhoods, *Handbook of Criminological Theory*, ed. by A.R. Piquero. Oxford, UK: Wiley-Blackwell Publ., pp. 121–136. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781118512449.ch7>

Laub, J.H. (2006). Edwin H. Sutherland and the Michael-Adler report: Searching for the soul of criminology seventy years later. *Criminology*. Vol. 44, iss. 2, pp. 235–258. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2006.00048.x>

Laub, J.H. and Sampson, R.J. (1991). The Sutherland-Gluck debate: On the sociology of criminological knowledge. *American Journal of Sociology*. Vol. 96, no. 6, pp. 1402–1440. DOI: <https://doi.org/10.1086/229691>

Laub, J.H., and Sampson, R.J. (1988). Unraveling families and delinquency: a reanalysis of the Gluecks' data. *Criminology*. Vol. 26, iss. 3, pp. 355–380. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.1988.tb00846.x>

Lerman, P. (1967). Gangs, networks, and subcultural delinquency. *The American Journal of Sociology*. Vol. 73, no. 1, pp. 63–72. DOI: <https://doi.org/10.1086/224436>

McGloin, M.J., Schreck, C. and Stewart, E.A. and Ousey, G. (2011). Predicting the violent offender: The discriminant validity of the subculture of violence. *Criminology*. Vol. 49, iss. 3, pp. 767–794. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2011.00235.x>

McRobbie, A. and Thornton, S.L. (1995). Rethinking «moral panic» for multi-mediated social worlds. *The British Journal of Sociology*. Vol. 46, no. 4, pp. 559–574. DOI: <https://doi.org/10.2307/591571>

Meier, R.F. and Miethe, T.D. (1993). Understanding theories of criminal victimization. *Crime and Justice*. Vol. 17, pp. 459–499. DOI: <https://doi.org/10.1086/449218>

Merton, R.K. (1938). Social structure and anomie. *American Sociological Review*. Vol. 3, no. 5, pp. 672–682. DOI: <https://doi.org/10.2307/2084686>

Miller, S.L. and Burack, C. (1993). A critique of Gottfredson and Hirschi's general theory of crime, women and criminal justice. *Women & Criminal Justice*. Vol. 4, iss. 2, pp. 115–134. DOI: https://doi.org/10.1300/J012v04n02_07

Miller, J.M., Cohen, A.K. and Bryant, K.M. (1997). On the demise and morrow of subculture theories of crime and delinquency. *Journal of Crime and Justice*. Vol. 20, iss. 2, pp. 167–178. DOI: <https://doi.org/10.1080/0735648X.1997.9721588>

Motz, R., Barnes, J.C., Caspi, A., Arseneault, L., Cullen, F., Houts, R., Wertz, J. and Moffitt, T. (2019). Does contact with the justice system deter or promote future delinquency? Results from a longitu-

dinal study of British adolescent twins. *Criminology*. Vol. 58, iss. 2, pp. 307–335. DOI: <https://doi.org/10.1111/1745-9125.12236>

Moule Jr.R., Burt, C., Stewart, E.A. and Simons, R. (2015). Developmental trajectories of individuals' code of the street beliefs through emerging adulthood. *Journal of Research in Crime and Delinquency*. Vol. 52, iss. 3, pp. 342–372. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022427814565904>

Osgood, D.W., Anderson, A.L., and Shaffer, J.N. (2005). Unstructured leisure in the after-school hours. *Organized activities as contexts of development: Extracurricular activities, after-school and community programs*, ed. by J.L. Mahoney, R.W. Larson, J.S. Eccles. Mahwah, NJ: Erlbaum Publ., pp. 45–64.

Pearson, G. (1983). *Hooligan: a history of respectable fears*. London: Macmillan Publ., 287 p.

Petherick, W. (2017). Victim precipitation: Why we need to expand upon the theory. *Forensic Research and Criminology International Journal*. Vol. 5, iss. 2. Available at: <https://medcraveonline.com/FRCIJ/FRCIJ-05-00148.pdf> (accessed 14.01.2020). DOI: <https://doi.org/10.15406/frcij.2017.05.00148>

Pickett, J.T., Stewart, E.A., Mears, D.P., and Gertz, M. (2013). Security at the expense of liberty: A test of predictions deriving from the culture of control thesis. *Crime and Delinquency*. Vol. 59, iss. 2, pp. 214–242. DOI: <https://doi.org/10.1177/0011128712461612>

Piquero, A.R. (2008). Taking stock of developmental trajectories of criminal activity over the life course. *The long view of crime: A synthesis of longitudinal research*, ed. by A.M. Liberman. N.Y.: Springer Publ., pp. 23–78. DOI: https://doi.org/10.1007/978-0-387-71165-2_2

Reckless, W.C. and Dinitz, S. (1972). *The Prevention of juvenile delinquency: an experiment*. Columbus: Ohio State University Press, 254 p.

Rocque, M., Posick, C. and Hoyle, J. (2016). Age and crime. *The encyclopedia of crime and Punishment*, ed. by W.G. Jennings. Chichester, West Sussex: John Wiley and Sons Publ., pp. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781118519639.wbecpx275>

Sampson, R.J. and Groves, W.B. (1989). Community structure and crime: testing social-disorganization theory. *American Journal of Sociology*. Vol. 94, no. 4, pp. 774–802. DOI: <https://doi.org/10.1086/229068>

Sampson, R.J. and Laub, J.H. (1997). A life-course theory of cumulative disadvantage and the stability of delinquency. *Developmental theories of crime and delinquency*, ed. by T.P. Thornberry. New Brunswick: Transaction Publ., pp. 133–161.

- Sampson, R.J. and Laub, J.H. (2005). A life-course view of the development of crime. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 602, iss. 1, pp. 12–45. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002716205280075>
- Sampson, R.J. and Laub, J.H. (2003). Life-course desisters? Trajectories of crime among delinquent boys followed to age 70. *Criminology*. Vol. 41, no. 3, pp. 555–592. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2003.tb00997.x>
- Savage, J. and Vila, B. (2003). Human ecology, crime, and crime control: Linking individual behavior and aggregate crime. *Social Biology*. Vol. 50, iss. 1–2, pp. 77–101. DOI: <https://doi.org/10.1080/19485565.2003.9989066>
- Schreck, C. (1999). Criminal victimization and low self-control: An extension and test of a general theory of crime. *Justice Quarterly*. Vol. 16, iss. 3, pp. 633–654. DOI: <https://doi.org/10.1080/07418829900094291>
- Schreck, C., Wright, R. and Miller, J.M. (2002). A study of individual and situational antecedents of violent victimization. *Justice Quarterly*. Vol. 19, iss. 1, pp. 159–180. DOI: <https://doi.org/10.1080/07418820200095201>
- Schreck, C.J., Burek, M.W., Stewart, E.A. and Miller, J.M. (2007). Distress and violent victimization among young adolescents: Early puberty and the social interactionist explanation. *Journal of Research in Crime and Delinquency*. Vol. 44, iss. 4, pp. 381–405. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022427807305851>
- Schreck, C.J., Stewart, E.A. and Fisher, B. (2006). Self-control, victimization, and their influence on risky lifestyles: A longitudinal analysis using panel data. *Journal of Quantitative Criminology*. Vol. 22, iss. 4, pp. 319–340. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10940-006-9014-y>
- Schreck, C.J., Stewart, E.A. and Osgood, D. (2008). A reappraisal of the overlap of violent offenders and victims. *Criminology*. Vol. 46, iss. 4, pp. 871–906. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2008.00127.x>
- Shaw, C. and McKay, H. (1969). *Juvenile delinquency and urban areas*. Chicago: University of Chicago Press.
- Sheldon, W.H. (1942). *The varieties of temperament: A psychology of constitutional differences*. New York: Harper and Brothers Publ., 520 p.
- Sherman, L., Gartin, P.R. and Buerger, M.E. (1989). Hot spots of predatory crime: routine activities and the criminology of place. *Criminology*. Vol. 27, iss. 1, pp. 27–56. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.1989.tb00862.x>
- Shore, H. (2011). Inventing and re-inventing the juvenile delinquent in British history. *Memoria Y Civilizacion*. Vol. 14, pp. 105–132. Available at: <http://eprints.leedsbeckett.ac.uk/121/> (accessed 19.04.2019).
- Siegel, L.J. (2011). *Criminology: The Core*. Belmont: Wadsworth/Cengage Learning Publ., 492 p.
- Simons, R. and Burt, C. (2011). Learning to be bad: Adverse social conditions, social schemas, and crime. *Criminology*. Vol. 49, iss. 2, pp. 553–598. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2011.00231.x>
- Sirgiovanni, E. (2017). Criminal heredity: The influence of Cesare Lombroso's concept of the «born criminal» on contemporary neurogenetics and its forensic applications. *Medicina Nei Secoli*. Vol. 29, no. 1, pp. 165–188. Available at: <https://www.medicinaneisecoli.it/index.php/MedSecoli/article/view/716> (accessed 29.01.2020).
- Snyder, T.D. (1993). *120 years of American education: a statistical portrait*. Washington, DC: U.S. Dept. of Education, Office of Educational Research and Improvement, National Center for Education Statistics, 115 p.
- Stewart, E.A., Schreck, C. and Brunson, R.K. (2008). Lessons of the street code. *Journal of Contemporary Criminal Justice*. Vol. 24, iss. 2, pp. 137–147. DOI: <https://doi.org/10.1177/1043986208315473>
- Sun, I.Y., Triplett, R. and Gainey, R. (2004). Neighborhood characteristics and crime: A test of Sampson and Groves' model of social disorganization. *Western Criminology Review*. Vol. 5, no. 1, pp. 1–16. Available at: https://westerncriminology.org/documents/WCR/v05n1/article_pdfs/sun.pdf (accessed 28.04.2019).
- Sutherland, E. (1947). *Principles of criminology*. Philadelphia, PA: Lippincott Publ., 643 p.
- Taft, D.R. (1951). Implication of the Glueck methodology for criminological research. *The Journal of Criminal Law, Criminology, and Police Science*. Vol. 42, no. 3, pp. 300–316. DOI: <https://doi.org/10.2307/1140345>
- Thomas, W.I. (1923). *The unadjusted girl: with cases and standpoint for behavior analysis*. Boston, MA: Little, Brown, and Company Publ., 261 p.
- Thrasher, F.M., (1963). *The gang: A study of 1,313 gangs in Chicago*. Chicago: University of Chicago Press., 388 p.
- Unnever, J.D., Cullen F., Wright, J.P. and Beaver, K.M. (2006). Why is «bad» parenting criminogenic? Implications from rival theories. *Youth Violence and Juvenile Justice*. Vol. 4, no. 1, pp. 3–33. DOI: <https://doi.org/10.1177/1541204005282310>

Walsh, A., and Beaver, K.M. (2009). Biosocial criminology. *Handbook on crime and deviance*, ed. by M.D. Krohn, A.J. Lizotte, G.P. Hall. New York: Springer Publ., pp. 79–101. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4419-0245-0_5

Weisburd, D., Bushway, S., Lum, C. and Yang, S. (2004). Trajectories of crime at places: a longitudinal study of street segments in the city of Seattle. *Criminology*. Vol. 42, iss. 2, pp. 283–322. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2004.tb00521.x>

Wolfgang, M.E. and Singer, S.I. (1978). Victim categories of crime. *The Journal of Criminal Law*

and *Criminology*. Vol. 69, no. 3, pp. 379–394. DOI: <https://doi.org/10.2307/1142333>

Wright, J.P., Schnupp, R., Beaver, K.M., Delisi, M. and Vaughn, M. (2012). Genes, maternal negativity, and self-control evidence of a gene × environment interaction. *Youth Violence and Juvenile Justice*. Vol. 10, iss. 3, pp. 245–260. DOI: <https://doi.org/10.1177/1541204011429315>

Received 02.02.2020

Об авторе

Кузнецов Александр Евгеньевич

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: kzntsv@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1699-6466>

About the author

Alexander E. Kuznetsov

Ph.D. in Sociology, Associate Professor
of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: kzntsv@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1699-6466>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кузнецов А.Е. Преступность несовершеннолетних: развитие и кризис (западной) криминологической теории // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 2. С. 291–306. DOI: [10.17072/2078-7898/2020-2-291-306](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-2-291-306)

For citation:

Kuznetsov A.E. [Juvenile crime: the rise and crisis of criminological theory]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 2, pp. 291–306 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2020-2-291-306](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-2-291-306)